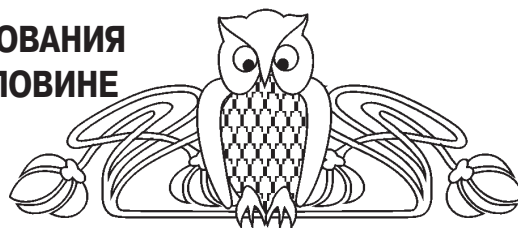

УДК 378 (091)

ИЗ ИСТОРИИ ВЫСШЕГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по материалам Казанского учебного округа)

Я. Б. Руднева

Государственный торгово-технологический институт,
г. Набережные Челны
E-mail: ya.rudneva@rambler.ru

В статье на примере высших учебных заведений, открытых в г. Саратове в 1909–1915 гг., рассматривается история становления женского образования в Российской империи. В исторической ретроспективе представлена эволюция профессионального статуса женщин, получивших высшее образование во второй половине XIX – начале XX в. от первых в Саратовской губернии врачей до первых научных работников Саратовского университета. Работа включает широкий круг источников: законодательные акты, делопроизводственную документацию Министерства народного просвещения и высших учебных заведений, источники личного происхождения.

Ключевые слова: высшее женское образование, Саратовский университет, Саратовские высшие сельскохозяйственные курсы, Высшие женские медицинские курсы при Саратовском санитарном обществе.

**From the History of Higher Female Education in the
Russian Empire in the Second Half of 19th – the Beginning
of 20th Century (in Kazan Educational District)**

Ya. B. Rudneva

In the article the author considers the history of higher female education coming-to-be in the Russian Empire, basing on the example of higher educational institutions, established in Saratov in 1909–1915. The professional status evolution of the women who got higher education in the second half of 19th-the beginning of 20th centuries is presented in the historic retrospect: from the first doctors of Saratov guberniya to the first scientific staff of Saratov university. The work includes a wide range of resources: legislative documents, clerical documents of the Ministry of Public Education and higher educational institutions, the resources of personal origin.

Key words: higher female education, Saratov university, Saratov higher agricultural courses, Higher female medical courses attached to Saratov Sanitary society.

Высшее образование – это институциональная система, мотивирующая направление социальной деятельности индивида и формирующая его культурную идентичность. В связи с этим в специальном изучении нуждается процесс возникновения и развития высшего женского образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: во-первых, как исторический опыт взаимодействия государства и общества, так как интеграция женщин в образовательное пространство высшей школы свидетельствовала

о предпосылках формирования российского гражданского общества¹; во-вторых, как пример трансформации традиционных институциональных форм – высшие женские курсы, возникшие в России благодаря общественной инициативе в 1870-е гг., не имели аналогов в образовательной практике европейских стран. Наконец, особый интерес представляет «вторичная социализация»² образованных женщин в профессиональной сфере.

В Саратове высшие учебные заведения появились в начале XX в. В течение непродолжительного времени были открыты учреждения различных типов и подведомственности: Императорский Николаевский университет (1909), Императорского русского музыкального общества Алексеевская консерватория (1912), высшие сельскохозяйственные курсы Саратовского общества сельского хозяйства (1913), высшие женские курсы Саратовского санитарного общества (1915). Университет до 1915 г. являлся исключительно «мужским», консерватория и сельскохозяйственные курсы предполагали совместное обучение, медицинские курсы Санитарного общества предназначались специально для женщин. Такое многообразие типов учебных заведений определило уникальность саратовского опыта в истории высшего образования. В то же время необходимо иметь в виду, что выпускницы первых высших женских курсов – врачи и учителя – начали свою деятельность в Саратовской губернии³ в 1880-е гг. Исследование их биографий позволит проследить эволюцию профессионального статуса женщин с высшим образованием от вольнонаемных врачей до научных работников.

Первыми женщинами с высшим образованием в Саратовской губернии стали выпускницы врачебных курсов, открытых в Петербурге при Медико-хирургической академии 2 ноября 1872 г. Особый курс для образования ученых акушерок – первый в Европе – был учрежден в виде опыта и первоначально предполагал обучение по специальной программе, рассчитанной на четыре года. Дальнейшей «идентификации общеврачебного и женского врачебного образования»⁴ способствовала реорганизация этого учебного заведения в 1876 г. в пятилетние Женские врачебные курсы при Николаевском военном госпитале. В 1880 г. выпускницам курсов был присвоен нагрудный знак отличия с буквами «ЖВ» (женщина-врач),

а с 1883 г. – особое звание врача женщин и детей, которое давало право заниматься акушерской, женской и детской практикой в качестве вольнопрактикующего специалиста. Курсы просуществовали с 1872 по 1887 г., выпустив 698 профессиональных медиков. Из них, по сведениям медицинского департамента МВД, в 1888 г. «состояло при больницах и думскими врачами г. Санкт-Петербурга 66, находились на земской службе при больницах и участках 92, занимались вольною практикой 540»⁵.

Формально уровень врачебных курсов расценивался государственными чиновниками как «низшая степень медицинского образования»⁶, но в 1880–1890-е гг. выпускницы курсов стали единственной категорией российских женщин, добившейся правовых гарантий в сфере высшего образования и связанного с ним профессионального статуса. Впрочем, профессиональная деятельность женщин-врачей имела ряд существенных ограничений. Во-первых, они были лишены возможности претендовать на государственную службу, обеспечивавшую постоянный доход, льготы по выслуге и пенсию. Во-вторых, служба в земских учреждениях была для них затруднена из-за узкой специализации и запрета на заведование больницами и приемными покоями, расположенными на территории земских медицинских участков. Наконец, «Правила о правах лиц женского пола, окончивших образование на упраздненных женских курсах при Николаевском военном госпитале»⁷, законодательно закрепившие положение женщин-врачей в профессиональной сфере, были официально обнародованы лишь спустя 20 лет после открытия курсов. Последнее обстоятельство неоднократно давало повод губернскому начальству отказывать выпускницам курсов в приеме на работу или увольнять их, ссылаясь на отсутствие необходимого образования. «Оглядываясь назад, – вспоминала выпускница курсов Н. П. Драгневич, – невольно сожалеешь о бесплодной борьбе против правоспособности женщин-врачей, борьбе тем менее понятной, что в то время, как она происходила, большая часть нашего отечества находилась в медицинском отношении в распоряжении фельдшеров...»⁸.

Трудности адаптации женщин в медицинском сообществе были связаны не только с законодательными ограничениями. На протяжении нескольких десятилетий они вынуждены были доказывать окружающим собственный профессионализм, и в первую очередь коллегам-мужчинам, многие из которых были убеждены, что «порядочный фельдшер может лечить лучше, нежели самая ученая женщина-врач»⁹.

Причины недоверия в медицинской среде к профессиональной пригодности женщин коренились в устойчивых стереотипах общественного сознания, сформировавшихся в условиях традиционного распределения социальных ролей по половому признаку. Согласно распространенным пред-

ставлениям, четко разделявшим сферу социальной деятельности на мужскую и женскую, равенство в положении мужчины и женщины являлось недопустимым¹⁰. Однако от женщин, избравших медицинское поприще, требовалось проявление не столько мужественности, сколько настоящего мужества, так как ни одна профессия в России не представляла «такой ранней инвалидизации, столь краткой средней продолжительности жизни, как врачебная»¹¹. Кроме того, выпускницы врачебных курсов, средний возраст которых составлял 27 лет (около 36% были старше), сознательно обрекали себя и на личную неустроенность.

Биографии первых женщин-врачей Саратовской губернии типичны в отношении вышеуказанных особенностей интеграции в медицинское сообщество. Большинство из них, преодолевая недоверие окружающих, были вынуждены начинать врачебную деятельность неофициально и доказывать свое право на выбранную профессию самоотверженным и часто безвозмездным трудом. Так, в мае 1885 г. Саратовское отделение общества Красного Креста обратилось к городским властям с ходатайством об утверждении на должность врача одного из отделений приемного покоя для бедных выпускницы врачебных курсов Марии Игнатьевны Островской-Горенбург (1847–1915). Необходимость назначения именно женщины была продиктована тем, что отделение покоя, расположенного в одном из самых неблагополучных районов Саратова («на горах»), пользовалось особой популярностью у «беременных и одержимых венерическими и разными женскими болезнями», а также матерей, имевших малолетних детей¹². Кроме того, М. И. Островская-Горенбург уже имела трехлетний опыт работы, безвозмездно оказывая медицинскую помощь воспитанникам 2-го детского приюта имени М. Н. Галкина-Враского.

Обсуждение кандидатуры М. И. Островской-Горенбург вызвало у гласных городской думы неоднозначную реакцию. Противники эмансипации, в том числе врач И. Т. Нерода, высказались в том духе, что «для многих больных мужского пола обращаться к врачу женщине стеснительно», а «для подачи пособия женщинам беременным и одержимым специальными болезнями на Горах имеются городская акушерка и фельдшерница...»¹³. Несмотря на отсутствие претендентов, дума единогласно постановила пригласить на должность врача мужчину. Только в августе 1885 г. по повторному ходатайству общества Красного Креста гласные утвердили М. И. Островскую-Горенбург с оговоркой «до уяснения, как пойдет дело»¹⁴.

Дело действительно «пошло»: к декабрю 1885 г. среднее количество посещений приемного покоя увеличилось по сравнению с началом года в 10 раз и составило 23 человека в день, в последующие годы М. И. Островская-Горенбург принимала по 45 больных в день¹⁵. Основным контингентом Марии Игнатьевны были «жены и дети ремесленников, мелких торговцев, извоз-

чиков, прислуга мужская и женская, рабочие с масленок и кирпичных сараев»¹⁶, обитавшие в 1-й и 4-й частях Саратова. Ее стараниями среди городской бедноты распространялись не только элементарные представления о женской гигиене и правилах ухода за грудными и малолетними детьми, но и доверие к профессионализму медиков, о чем свидетельствовал значительный рост количества повторных посещений приемного покоя.

Уже в апреле 1886 г. гласные думы признали, что первый в истории Саратова опыт по привлечению женщины в качестве врача общей практики оказался «производительным и целесообразным»¹⁷, еще через три с половиной года, в ноябре 1889 г., были выделены средства на содержание женщины-врача в центральном приемном покое. На это место была назначена Анна Михайловна Суходеева (1859–1892). Завершив образование на врачебных курсах в 1887 г., А. М. Суходеева начала помогать мужу – земскому врачу Камышинского уезда Саратовской губернии – оказывать медицинскую помощь на территории с населением более 73 тыс. человек¹⁸. В приемном покое Суходеева успела проработать около двух лет и скончалась в феврале 1892 г. от туберкулеза легких¹⁹. М. И. Островскую-Горенбург на должности заведующей 2-го отделения приемного покоя имени Галкина-Враского в середине 1890-х гг. сменили В. П. Фомина-Осипова, а затем Н. К. Котельникова – обе выпускницы Женских врачебных курсов.

Родная сестра М. И. Островской-Горенбург Варвара Игнатьевна Буховцева (1849–?) окончила врачебные курсы в 1877 г. в числе первых 58 выпускниц. Ее призванием стала педиатрия: с 1879 г. В. И. Буховцева безвозмездно приняла на себя обязанности по врачебному патронажу грудных и малолетних детей саратовского детского приюта «Ясли». Основанный на средства частных благотворителей в 1874 г., приют первоначально предназначался для временного содержания детей, чьи матери вынуждены были работать. В 1876 г. по договоренности с городскими властями «Ясли» стали принимать подкидышей, до этого поголовно умиравших в неприспособленной для «грудничков» Александровской богадельне. Выхаживать подброшенных детей, вес которых в среднем достигал 4,5–5 фунтов (1,8–2 кг), досталось В. И. Буховцевой. Как педиатр она добилась потрясающих результатов: за десять лет – с 1879 по 1888 гг. – смертность среди воспитанников «Яслей» сократилась в два раза и в последние четыре года существования приюта не превышала 32%²⁰. В Саратове за аналогичный период этот показатель держался на уровне 75%²¹. В целях популяризации медицинских знаний среди местного населения в 1882 г. Варвара Игнатьевна опубликовала пособие «Уход за грудными детьми: советы матерям женщины-врача В. И. Буховцевой».

Многие выпускницы врачебных курсов получили известность как активные общественные

деятели, так как «медицина и радикализм» во второй половине XIX в. были двумя тесно взаимосвязанными способами самовыражения российских женщин²². Дочь крепостного крестьянина Вера Ивовна Дмитриева (1859–1948), проникшись в ранней юности народническими идеями, устроилась учительницей в село Песчанка Балашовского уезда Саратовской губернии. За агитационную деятельность среди крестьян и публикацию критических заметок в «Саратовском листке» она была уволена земской управой с запрещением заниматься педагогической деятельностью. В 1878 г. В. И. Дмитриева поступила на врачебные курсы в Петербурге. В условиях полунищенского существования, хронического голода, болезней и арестов ей удалось завершить медицинское образование, но по специальности Вера Ивовна работала непродолжительное время.

Как отмечает канадская исследовательница М. Дэвис, в случае с В. И. Дмитриевой трудно разобраться, что больше мешало ей заниматься медицинской практикой – принадлежность к женскому полу или ее политические взгляды²³. Кроме того, будучи земским врачом-эпидемиологом в Нижнедевицке (1892, 1893) и Задонском уезде (1894) Воронежской губернии, Дмитриева пережила крайнее разочарование в эффективности медицинской помощи в условиях антисанитарии и всеобщей нищеты. «И все напирали на меня, глядя мне в лицо умоляющими глазами, просили лекарства, вопияли о своих недугах, отдавая меня зловонным от цинги и сифилиса дыханием, – описывала Вера Ивовна свои впечатления от посещения деревни Солнцевка, – а я чувствовала свое полное бессилие, и все мои лекарства, мои поездки казались мне бессмысленными и жалкими игрушками перед этой все более и более обступающею меня деревенской нищетой...»²⁴. С 1895 г. В. И. Дмитриева полностью посвятила себя литературной и просветительской деятельности, став известным прозаиком-реалистом²⁵.

В 1895 г. в связи с принятием «Положения о Санкт-Петербургском женском медицинском институте» ряд ограничений в отношении женщин-врачей был снят, а с 1897 г. их стали принимать на государственную службу. По данным «Российского медицинского списка» в 1899 г., в Саратовской губернии трудилось 11 выпускниц врачебных курсов²⁶, в том числе Анна Григорьевна Нога-Никольская – первая в истории Саратова женщина-психиатр²⁷, Елизавета Александровна Харизоменова-Реброва – активный член Саратовского санитарного общества²⁸ и Общества взаимопомощи трудящихся женщин, Анна Никифоровна Нисс-Подрезан, практиковавшая в Вольске, и др.

В 1870–1880-е гг. в Российской империи наряду с врачебными курсами действовали учебные заведения, целью которых было дать возможность лицам женского пола получить высшее образование «общее и по специальностям историко-филологической и физико-математической, и

приготовить контингент учительниц для женских среднеучебных заведений»²⁹. Речь идет о Высших женских курсах, открытых в Москве (1869), Казани (1876), Петербурге (1878) и Киеве (1878).

Предполагалось, что открытие женских курсов в Казани привлечет в первую очередь жительниц Среднего и Нижнего Поволжья, а также восточных окраин империи, но курсы оказались малочисленными, за весь период существования с 1876 по 1887 г. на них записалось в качестве постоянных и вольноприходящих слушательниц около 360 девушек. В 1878/1879 учебном году были зачислены первые курсистки из Саратова: четыре выпускницы Мариинской гимназии и одна – института благородных девиц³⁰. В следующем году на курсы поступили две епархиалки. Примечательно, что представительницы Саратовской губернии были единственными, кто получал во время обучения именные стипендии. Так, дочь помощника вольского исправника дворянка Ольга Логвинова в 1878 г. была удостоена Саратовским дворянским депутатским собранием Колычевской стипендии в размере 124 рублей 30 копеек³¹. Саратовское общество вспомоществования недостаточным людям, стремящимся к высшему образованию, выделило в 1878 г. по 20 рублей Вере Булатовой, Марии Чернышевской, а в 1882 г. по 45 рублей сестрам Ольге и Екатерине Ровоамовым³².

По своему культурно-просветительному значению и масштабам деятельности Казанские курсы уступали столичным, но стояли выше всех провинциальных (в Харькове, Варшаве, Одессе курсы в рассматриваемый период так и не открылись, а в Киеве действовали на 3 года меньше)³³. Лекции курсисткам читали профессора Казанского университета Н. Н. Булич, Н. А. Фирсов, Н. А. Осокин и др. Ежегодно на экзаменах лично присутствовал попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков. Однако, завершив двухгодичный образовательный курс, слушательницы при трудоустройстве не получали каких-либо особых прав или преимуществ. Например, выпускница Казанских курсов Мария Александровна Чернышевская (1862–1942) вплоть до 1917 г. служила учительницей в женском начальном училище Саратова.

До середины 1890-х гг. число преподавательниц с высшим образованием, так же как и женщин-врачей, в Саратовской губернии было невелико. Связано это с тем, что в конце 1880-х гг. в условиях политической реакции все высшие женские учебные заведения прекратили свою деятельность. 3 июля 1889 г. было опубликовано «Временное положение о высших женских курсах», которое давало разрешение на открытие курсов, но только в Петербурге.

Петербургские (Бестужевские) курсы до 1897 г., когда начал действовать Женский медицинский институт, являлись единственным в России высшим учебным заведением, доступным

для женщин. Провинциальным барышням приходилось отстаивать свое право на образование в условиях жесткой конкуренции. Представительницы Казанского учебного округа составляли в среднем 8% от общего числа слушательниц столичных курсов. Так, по данным на 1 января 1896 г., из 55 девушек, прибывших в Петербург из губерний Казанского учебного округа, 24 получили среднее образование в Саратове, одна в Вольске, 11 в Самаре, 8 в Казани, 5 в Астрахани, 4 в Вятке и 2 в Симбирске³⁴. Лидирующее положение по количеству «бестужевок» Саратовская губерния занимала до начала 1910-х гг.

На Бестужевских курсах (до открытия в 1906 г. юридического факультета) действовали историко-филологическое и физико-математическое отделения с четырехлетним сроком обучения. Несмотря на серьезную научную подготовку «бестужевок», занимавшихся фактически по университетской программе, диплом курсов де-юре не гарантировал их обладательницам особых прав. Однако де-факто исходя из крайнего недостатка в учителях лица женского пола с высшим образованием постепенно получили ряд преимуществ: с 1901 г. их стали допускать по личному распоряжению министра народного просвещения к преподаванию в старших классах женских гимназий, а с 1906 г. – в начальных классах мужских гимназий.

Женский медицинский институт, основанный в 1895 г. в Петербурге на частные пожертвования, в 1904 г. перешел на государственное обеспечение и был приравнен к медицинским факультетам университетов. Из первых 190 студенток 12 получили среднее образование в губерниях, входивших в Казанский учебный округ: 7 в Саратовской, 2 в Астраханской, 2 в Самарской и 1 в Вятской³⁵. Значительный процент среди слушательниц первых лет существования института составили выпускницы Бестужевских курсов.

Процесс феминизации российской высшей школы значительно ускорила революция 1905–1907 гг.: в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Юрьеве, Варшаве, Казани открылись высшие женские учебные заведения, которых к началу 1910 г. насчитывалось 25³⁶. В этот же период в восьми из девяти российских университетов женщины были допущены к занятиям в качестве вольнослушательниц. 19 декабря 1911 г. появился закон «Об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений», дававший выпускницам университетов и высших женских курсов право на получение диплома государственного образца и приобретение ученых степеней магистра и доктора. Наконец, в 1914 г. первая женщина – М. А. Островская – была утверждена в качестве приват-доцента по кафедре русской истории Петроградского университета.

В Саратове вопрос о высшем образовании для женщин стал подниматься после открытия Нико-

лаевского университета в 1909 г. Многочисленные ходатайства общественных организаций и органов городского самоуправления об условном приеме женщин в университет были отклонены. Право на образование предоставили лицам женского пола общественные и частные высшие учебные заведения, испытывавшие меньший, в отличие от правительственных университетов и институтов, «пресс регламентирующе-бюрократического воздействия в виде сословных, национальных, половозрастных и прочих ограничений для абитуриентов»³⁷. Первым таким заведением стала Алексеевская консерватория, торжественно открытая 21 октября 1912 г. По сведениям В. В. Петровского, в 1912/1913 учебном году из 669 вновь принятых в нее студентов 408 составляли женщины³⁸. В дальнейшем это соотношение, в связи с вступлением России в Первую мировую войну, менялось только в сторону увеличения женского контингента.

При поступлении в консерваторию требовалась специальная подготовка, но главным критерием оставались музыкальные способности абитуриентов. Хрестоматийным стал случай, связанный с приемом в число первых студенток Фатьмы Сагтаровны Мухтаровой (1893–1972) – дочери эмигрантов из Персии, зарабатывавшей на жизнь уличным пением под именем Кати-шарманщицы. Ф. С. Мухтарова, занимавшаяся по классу сольного пения у профессора М. Е. Медведева, впоследствии получила известность как «лучшая Кармен не только в СССР, но и за рубежом»³⁹. В целом первые выпускные экзамены, состоявшиеся весной 1915 г., показали, что для многих студентов трехгодичного консерваторского курса обучения было явно недостаточно: только 15 человек получили аттестаты и дипломы на звание «свободного художника».

Высшие сельскохозяйственные курсы Саратовского общества сельского хозяйства, целью которых являлось «сообщение высшего агрономического образования лицам, окончившим среднюю школу»⁴⁰, официально открылись 13 сентября 1913 г. К преподаванию были привлечены профессор и преподаватели университета А. Я. Гордягин, В. Д. Зёрнов, Б. И. Бируков, Р. Ф. Холлман, Д. Е. Янишевский, А. Ф. Преображенский, Я. Я. Додонов и др. Как свидетельствует один из инициаторов создания высшей агрономической школы в Саратове Б. Х. Медведев, курсы не только «не обещали своим питомцам никаких прав», не имея «гарантированной устойчивости», но и поступить на них было нелегкой задачей: количество поданных заявок в три раза превысило установленный комплект⁴¹. После жесткого отбора было зачислено 105 студентов, из которых на следующий год осталась половина (22 мужчины и 39 женщин)⁴².

С момента открытия курсов количество учащихся женщин ежегодно превышало количество мужчин. Профессорско-преподавательский состав пытался, как мог, сохранить «половое» равнове-

сие. Например, в 1914 г. на 120 мест было подано 118 мужских прошений и 133 женских. Вакансии решили «заместить в половинном числе женщинами, в половинном – мужчинами»⁴³. Всеобщая мобилизация в связи с мировой войной увеличила шансы женского пола: к началу июля 1915 г. на курсы подали документы 131 женщина и 32 мужчины⁴⁴. Женщин зачисляли по конкурсу, отсеив ¼ претенденток. В то же время, учитывая разницу в учебных программах мужских и женских гимназий, педагогический совет курсов принял решение организовать для студенток дополнительные занятия по математике и не включать этот предмет в экзаменационный минимум, так как «для мужчин легче будет перейти на 2-й курс, и создастся неравенство»⁴⁵.

Результаты деятельности сельскохозяйственных курсов наглядно демонстрирует статистика состава сотрудников аграрного факультета Саратовского университета. По данным на 1 октября 1923 г., 12% всех преподавателей, ассистентов и лаборантов факультета получили высшее образование на курсах⁴⁶. Среди них студентки первого приема О. А. Соловьева, А. Е. Солнцева и В. Е. Булычева, ставшие впоследствии доцентами Саратовского сельскохозяйственного института⁴⁷.

В Николаевском университете активное обсуждение женского вопроса относится к осени 1914 г. На заседании Совета университета 6 октября профессор Н. М. Какушкин обратился к коллегам с просьбой поддержать его ходатайство перед Министерством народного просвещения о допущении женщин в качестве студенток на не занятые мужчинами места. Прецедент уже был: в 1913 г. Томскому университету в виде исключения было разрешено принимать женщин, но только сибирячек христианского вероисповедания, имевших высокий образовательный ценз. Совет поддержал предложение Н. М. Какушкина, единогласно постановив ходатайствовать о допущении в Николаевский университет ежегодно при наличии свободных мест 50 слушательниц на тех же условиях, что и в Томском университете⁴⁸.

Ходатайство Совета не было удовлетворено. Впрочем, первые слушательницы появились в лекционных аудиториях и клиниках Николаевского университета уже в феврале 1915 г. в связи с особым циркулярным распоряжением Министерства народного просвещения. Это были доктора медицины иностранных университетов, диплом которых, согласно университетскому уставу, признавался в Российской империи равносильным выпускному свидетельству медицинского факультета и давал доступ к испытанию в медицинской комиссии для приобретения степени лекаря. Циркуляр № 3420 от 26 января 1915 г. обязывал университетскую администрацию Николаевского, Харьковского, Томского и Юрьевского университетов с оговоркой «только в течение текущего весеннего семестра» допустить докторов медицины обоюбого пола «к практическим занятиям в

клиниках и к слушанию повторительных курсов на правах вольнослушателей»⁴⁹. Причина – «часто обнаруживаемая обучавшимися за границей недостаточная практическая медицинская подготовка». На заседании 9 февраля 1915 г. ректор П. П. Заболотнов уведомил Совет университета, что на основании данного распоряжения им «уже принято в качестве вольнослушателей свыше 25 лиц, имеющих на это разрешения от министерства»⁵⁰. На экстренном заседании Совета университета, состоявшемся 10 февраля, была утверждена специальная программа подготовки докторов медицины иностранных университетов к государственным экзаменам. Осенью 1915 г. медицинской испытательной комиссией Николаевского университета были удостоены степени лекаря 18 женщин (из них 17 иудейского вероисповедания), получивших высшее образование в Швейцарии, Франции и Германии. Формально они стали первыми выпускницами университета.

Обстоятельства военного времени вынудили Министерство народного просвещения пойти на ряд уступок в женском вопросе. 1 августа 1915 г. Советом министров было принято постановление «О приеме лиц женского пола на отдельные факультеты некоторых императорских российских университетов», которое касалось Казани, Саратова и Томска. При поступлении в университет от претенденток требовались не только аттестат женской гимназии, но и свидетельство о сдаче экзаменов по русскому языку, математике, физике и латыни в объеме восьми классов мужской гимназии, поэтому поступить в университет смогли только единицы.

14 августа 1915 г. декан медицинского факультета Н. Г. Стадницкий доложил Совету университета, что «из числа желающих поступить в число слушательниц Николаевского университета, подавших прошения, принято в настоящее время лишь только трое с удостоверениями о выдержании дополнительного экзамена, у большинства женщин, крайне стремящихся поступить в университет, ежедневно обращающихся по этому поводу ко мне за разъяснениями, удостоверений о выдержании дополнительного экзамена еще не имеется...»⁵¹. Ввиду большого наплыва мужчин декан просил Совет увеличить комплект для первого курса до 275 человек с квотированием 50 мест специально для женщин. Кроме того, ссылаясь на опыт Петроградского женского медицинского института, он предложил ходатайствовать перед министерством народного просвещения о зачислении женщин, не имевших необходимых документов, «условно», предоставив им возможность сдать дополнительные экзамены во время учебного года. В заключение Н. Г. Стадницкий отметил, что его предложения продиктованы служебным и нравственным долгом перед женщинами, «которые уже себя зарекомендовали с самой лучшей стороны, как прилежнейшие и добросовестные слушательницы и неутомимые

труженицы на весьма тяжелом и ответственном посту женщины-врача, беззаветно отдавшие этому святому делу»⁵².

Совет поддержал ходатайство Н. Г. Стадницкого. 21 августа 1915 г. в министерство за подписью ректора П. П. Заболотнова была отправлена телеграмма. Через несколько дней пришел ответ: «Ввиду отказов [в] приеме [на] медицинские факультеты полноправных кандидатов министр не усматривает оснований [к] понижению образовательного ценза женщин для заполнения комплекта. Министром направлены [в] Саратов непринятые [в] Москву, Харьков и другие университеты. Продлите прием. Товарищ министра Шевяков»⁵³. В результате министерского решения более половины из 38 слушательниц первого университетского набора составили студентки, прервавшие по каким-либо причинам образование в других высших учебных заведениях. Кроме того, местным жительницам досталось только 12 мест⁵⁴. По вероисповеданию 53% слушательниц являлись иудейками. Таким образом, среди студенческого контингента иудейского вероисповедания женщин оказалось гораздо больше, чем среди православного – 16% против 3%⁵⁵.

После окончательного отклонения Министерством народного просвещения ходатайства об условном приеме женщин в университет группа профессора обратилась в Саратовское санитарное общество с просьбой немедленно взять на себя инициативу открытия высших женских курсов⁵⁶. Дело в том, что Саратовское санитарное общество еще 12 декабря 1913 г. постановило ходатайствовать об открытии высших женских курсов в составе одного медицинского отделения⁵⁷, в 1914 г. был разработан проект устава и сметы на содержание и оборудование первых двух курсов. Обращение профессоров ускорило процесс: 10 сентября 1915 г. Санитарное общество возбудило перед министерством народного просвещения соответствующее ходатайство⁵⁸.

Разрешение министерства было получено 25 октября 1915 г., а 1 ноября на курсах начались занятия по программе медицинского факультета Николаевского университета. Организацию учебного процесса полностью взял на себя университетский профессорско-преподавательский коллектив. Директором курсов был избран профессор И. А. Чуевский, деканом – профессор В. И. Скворцов. Материальное положение курсов вплоть до слияния с университетом в 1918 г. оставалось крайне тяжелым: не хватало клиник, лабораторий, анатомического театра, специального оборудования. Городская дума и Саратовское губернское земство, выделявшие значительные субсидии для поддержания сельскохозяйственных курсов, к проблемам медицинских курсов отнеслись достаточно равнодушно. Ситуацию серьезно осложнил конфликт между правлением Санитарного общества и правлением курсов, затянувшийся на два года. В результате противо-

стояния двух руководящих органов И. А. Чуевский и В. И. Скворцов отказались от занимаемых должностей, а группа профессоров в поддержку принятого ими решения была готова полностью отказаться от преподавания. Учредители все чаще стали поговаривать о несвоевременности открытия этого учебного заведения, но избранный директором в феврале 1917 г. профессор Н. М. Какушкин заявил, что Совет курсов «должен отпарировать эту точку зрения – жизнь требует курсов и хорошо, что они открыты»⁵⁹.

Действительно, популярность первого в Саратове высшего женского учебного заведения стремительно росла: в 1915 г. на курсы было подано 485 прошений, в 1916 г. – 1204. Среди претенденток значительную часть составляли беженки из западных губерний Российской империи, занятых неприятелем в ходе военных действий. Однако правление курсов постановило отдавать предпочтение при приеме уроженкам Саратовской губернии и ближайших районов (Новоузенского уезда Самарской губернии, Астраханской губернии, Уральской области). Всего к 1 января 1917 г. на курсах состояло 573 слушательницы, состав которых был весьма демократичным и по сословной принадлежности, и по вероисповеданию. Достаточно сказать, что девушек из привилегированных сословий обучалось на курсах всего 36%, а иудеек – 27,4%⁶⁰. В 1921–1922 гг. курсистки составили значительную часть выпускников медицинского факультета университета.

Женщины в профессорско-преподавательской среде до 1917 г. являлись скорее исключением, чем правилом. В Алексеевской консерватории с момента ее основания и до 1921 г. вела класс сольного пения и входила в состав художественного совета Мария Александровна Эйхенвальд-Дубровская, утвержденная в 1917 г. за педагогические и артистические заслуги в звании профессора II степени⁶¹. В 1916 г. в консерваторию пришла преподавать Алевтина Михайловна Пасхалова – прославленная оперная певица, солистка Мариинского театра⁶². На Высших сельскохозяйственных курсах с осени 1915 г. практические занятия по фитопатологии и микологии были поручены Марии Васильевне Дорошенко, выпускнице Петроградских высших женских курсов, работавшей до этого в Киевском политехникуме под руководством С. Г. Навашина⁶³.

В истории Николаевского университета первая женщина – Варвара Георгиевна Варгасова-Матурьян – была избрана по конкурсу 7 октября 1913 г. (18 – за, 5 – против) на должность ординатора по кафедре акушерства и женских болезней⁶⁴. В. Г. Варгасова-Матурьян проработала под руководством заведующего кафедрой Н. М. Какушкина в течение четырех лет, последние два года исполняя обязанности ассистента.

Не всегда женщинам оказывался теплый прием. По воспоминаниям дочери профессора С. И. Спасокукоцкого, заведовавшего госпи-

тальной хирургической клиникой университета, он откровенно заявил молодому экстерну Надежде Васильевне Алмазовой, что хирургия – дело не женское. Впоследствии Н. В. Алмазова стала единственным ценным помощником С. И. Спасокукоцкого, в чем он признавался сам⁶⁵.

Главной причиной роста численности женщин среди сотрудников университета послужила острая нехватка кадров в условиях Первой мировой войны. В 1915 г. в списке личного состава значились: младший ассистент кафедры офтальмологии М. Н. Полозова-Михина, помощник прозектора кафедры фармакологии Л. В. Леднева, лаборант кафедры акушерства и женских болезней М. И. Быковцева и еще 8 женщин-ординаторов (из 29)⁶⁶. Наконец, постановлением Временного правительства от 1 июля 1917 г. на должность экстраординарного профессора по кафедре классической филологии была назначена Софья Венедиктовна Меликова-Толстая, которую коллеги как первую женщину-профессора приветствовали аплодисментами⁶⁷.

Итак, появление дипломированных женщин (педагогов, врачей, инженеров и ученых), добившихся равноправия с мужчинами в сфере высшего образования, стало не только свидетельством эмансипации женской личности, но и началом процесса феминизации отдельных социальных институтов и областей профессиональной деятельности.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Gerda Henkel Stiftung (грант AZ 10/SR/10).

Примечания

- 1 См.: *Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005.
- 2 См.: *Бергман П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
- 3 С 1874 г. Саратовская губерния, наряду с Вятской, Казанской, Симбирской, Самарской и Астраханской, территориально входила в состав Казанского учебного округа (см.: *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения.* СПб., 1875. Т. 1. С. 3).
- 4 См.: *Георгиевский А. С., Селиванов Е. Ф.* Становление женского врачебного образования в Медико-хирургической академии // *Материалы научной конференции, посвященной 100-летию высшего женского медицинского образования в СССР (1872–1972).* Л., 1972. С. 25.
- 5 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 191. Д. 511. Л. 86.
- 6 Там же. Д. 1732. Л. 78.
- 7 См.: Приложение к Уставу Врачебному. СПб., 1892.
- 8 *Драгневич Н. П.* Из воспоминаний женщины-врача (к 25-летию деятельности женщин-врачей) // *Русское богатство.* СПб., 1903. № 1. С. 73.

- ⁹ См.: *Покровская М. И.* Как я была городским врачом для бедных (Из воспоминаний женщины-врача). СПб., 1903. С. 24.
- ¹⁰ См.: *Драгневич Н. П.* Указ. соч. С. 73.
- ¹¹ См.: *Герценштейн Г. М.* Женщины-врачи на поприще практической деятельности в России (К двадцатилетия их первого массового выпуска) // Мир божий. СПб., 1898. № 4. С. 156.
- ¹² Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 199. Л. 63–64 об.
- ¹³ Там же. Л. 66–66 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 71–71 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 238.
- ¹⁶ Там же. Л. 280–280 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 84–84 об.
- ¹⁸ Там же. Ф. 79. Оп. 2. Д. 190. Л. 54 об.–55.
- ¹⁹ См.: *Вардугин В. И.* «Во благо народного здоровья». Саратов, 2005. С. 55.
- ²⁰ См.: Отчет за 1885 год Саратовского губернского и Вольского уездного попечительства детских приютов, состоявших в ведомстве учреждений императрицы Марии и под непосредственным их Императорских Величеств покровительством. Саратов, 1889. С. 33.
- ²¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 866. Л. 7 об.
- ²² См.: *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России : феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. С. 127.
- ²³ См.: *Дэвис М.* Элизабет Смит и Валентина Дмитриева : Жизнь и деятельность канадской и русской женщин-врачей в конце XIX в. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 214.
- ²⁴ *Дмитриева В. И.* По деревням. Из заметок «эпидемического» врача // Вестник Европы. 1896. Кн. 10. С. 558.
- ²⁵ См.: Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, фактах, именах). 2-е изд, перераб. Саратов, 2011. С. 409.
- ²⁶ См.: Российский медицинский список на 1899 г. : списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек. СПб., 1900.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 455. Л. 1–3.
- ²⁸ См.: *Райкова С. В., Завьялов А. И., Луцевич И. Н., Мясникова И. В.* Научно-практический вклад общества санитарных врачей в развитие здравоохранения и становление санитарной службы в Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века // Саратовский научно-медицинский журнал. 2011. Т. 7. № 1. С. 179.
- ²⁹ См.: *Альбицкий В. И.* Справочная книга для готовящихся к поступлению в высшие учебные заведения и учащихся в них. СПб., 1884. С. 236.
- ³⁰ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 131. Оп. 1. Д. 285.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 280.
- ³³ См.: *Афонина Е. В.* Высшее женское образование в Казани : вторая половина XIX – начало XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. С. 115.
- ³⁴ См.: Отчет о состоянии Санкт-Петербургских ВЖК за 1894/95 гг. СПб., 1895.
- ³⁵ См.: Список слушательниц Санкт-Петербургского Медицинского института. СПб., 1898.
- ³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 433. Л. 528.
- ³⁷ См.: *Иванов А. Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века : социально-историческая судьба. М., 1999. С. 186.
- ³⁸ См.: *Петровский В. В.* Сведения о высших учебных заведениях г. Саратова с 1909/10 по 1918/19 учебный год // Статистический вестник. Саратов. Август 1920 – июнь 1921. № 2. С. 42.
- ³⁹ См.: *Демченко А. И.* Два столетия музыкальной культуры Саратова. Саратов, 2006. С. 28.
- ⁴⁰ См.: Положение о высших сельскохозяйственных курсах Саратовского общества сельского хозяйства. Саратов, 1914. С. 1.
- ⁴¹ См.: *Медведев Б. Х.* Краткий исторический очерк десятилетия жизни Саратовской высшей сельскохозяйственной школы // Известия Саратовского государственного института сельского хозяйства и мелиорации. 1925. Вып. II. С. 5.
- ⁴² ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.
- ⁴³ См.: Саратовский листок. 3 июля 1914. № 143.
- ⁴⁴ ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 2. Л. 76–76 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 36.
- ⁴⁶ См.: *Медведев Б. Х.* Указ. соч. С. 25.
- ⁴⁷ См.: Саратовский аграрный : вехи вузовской судьбы. К 90-летию Саратовского государственного аграрного университета имени Н. И. Вавилова. Саратов, 2003. С. 70.
- ⁴⁸ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 478. Л. 3.
- ⁴⁹ Протоколы заседаний Совета Императорского Николаевского университета. Саратов, 1915. С. 11–14.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 478. Л. 51–51 об.
- ⁵² Там же. Л. 52.
- ⁵³ Там же. Л. 54.
- ⁵⁴ См.: Список студентов и посторонних слушателей Императорского Николаевского университета на 1915–1916 учебный год. По медицинскому факультету. Саратов, 1915.
- ⁵⁵ См.: *Соломонов В. А.* Императорский Николаевский Саратовский Университет : история открытия и становления (1909–1917) / общ. ред. И. В. Пороха. Саратов, 1999. С. 219.
- ⁵⁶ ГАСО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 20. Л. 16.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6.
- ⁵⁹ Там же. Д. 24. Л. 3.
- ⁶⁰ См.: Отчет о состоянии Саратовских ВЖК СО от 25 октября 1915 г. по 1 января 1917 г. Саратов, 1917. С. 3.
- ⁶¹ См.: *Мальшева Т. Ф.* Из созвездия Эйхенвальд : М. А. Эйхенвальд-Дубровская // Из истории Саратовской консерватории : сб. статей и воспоминаний / отв. ред. Л. А. Кивалова. Саратов, 2004. С. 46.
- ⁶² См.: *Демченко А. И.* Указ. соч. С. 21.
- ⁶³ ГАСО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.
- ⁶⁴ См.: *Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н.* История Саратовского университета. 1909–2009 : в 2 т. Т. 1: 1909–1945. Саратов, 2009. С. 50.

⁶⁵ См.: Блувштейн Г. А., Кац В. И., Додин С. В. 200 лет милосердия и любви. Прошлое и настоящее Саратовской губернской земской больницы (1806–2006 гг.). Саратов, 2006. С. 77.

⁶⁶ См.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Николаевского университета за 1915 год. Саратов, 1916. С. 78–80.

⁶⁷ ГАСО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 857. Л. 1 об., 2 об.

УДК 94(47).084.3

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ В 1917–1920 ГОДАХ

А. А. Гуменюк

Саратовский государственный университет
E-mail: GumenukAA@rambler.ru

В работе анализируются основные направления социальных преобразований в России с момента прихода к власти большевиков (1917 г.) и до конца Гражданской войны (1920 г.). Основное внимание уделено деятельности Народного комиссариата социального обеспечения. Статья базируется на российском законодательстве, а также отчасти на данных публикаций по отдельным аспектам проблематики.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальное страхование, жилищное строительство, здравоохранение, санаторий, инвалид, пенсия, пособие, нетрудоспособность, продовольственное снабжение, дети, общественное питание.

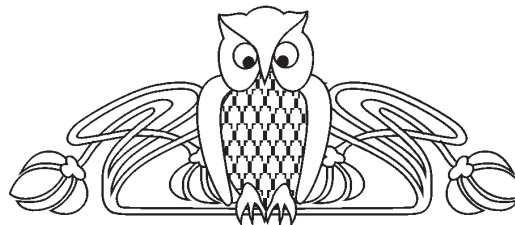
The Models of Social Activity in Russia in 1917–1920

А. А. Gumenyuk

In this article the main directions of social transformations in Russia since 1917 to 1920 was analyzed. The author has given main attention of the Public commissary of social provision. Materials on the data of the Russian legal and some publications were prepared.

Key words: social provision, social insurance, housing building, public health, sanatorium, invalid, pension, aid, provision, disablement, children, public nutrition.

История реформирования социальной сферы в Российском государстве насчитывает не одно столетие. На разных исторических отрезках времени инициаторами реформ выступали князья, члены императорской фамилии, духовенство, знать, государственные, частные и общественные благотворительные общества, органы местного самоуправления и т. п. Благодаря их усилиям к 1917 г. в России возникли элементы социального государства. В то же время организация социальной и медицинской помощи не была лишена недостатков. В частности, не были четко определены категории людей, имевших право на помощь, не совсем ясно было, из каких средств должны покрываться расходы на общественное призрение, и т. д. Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики, опираясь в определенной степени на дореволюционный опыт социальных преобразований (достижения общественной земской медицины), нацелились на создание по-настоящему государственной системы социаль-

ного обеспечения нуждающихся. Правительство преследовало цель улучшить снабжение населения продовольственными и промышленными товарами, наладить социальное обеспечение и социальное страхование, организовать жилищное строительство, здравоохранение и курортное обслуживание.

Проводником политики в области государственного социального обеспечения стал созданный в ноябре 1917 г. Народный комиссариат государственного призрения (НКГП). В его ведение входили такие функции, как социальное обеспечение трудящихся во всех случаях нетрудоспособности, охрана материнства и младенчества, попечение об инвалидах войны и их семьях, о престарелых и несовершеннолетних¹. К НКГП и его учреждениям на местах перешли все дела и денежные средства Всероссийского попечительства по охране материнства и детства, совета детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии, комитета для изыскания средств для устройства слабых здоровьем детей в летние санатории². Тем самым в Советской России стала сворачиваться благотворительная деятельность, рассматриваемая идеологами марксизма как явление буржуазное. В апреле 1918 г., когда обозначились контуры советской системы социальной защиты, Народный комиссариат государственного призрения был преобразован в Народный комиссариат социального обеспечения (НКССО). В постановлении отмечалось, что название «Народный комиссариат государственного призрения» является «пережитком старого времени» и поэтому не может отвечать «социалистическому пониманию задач социального обеспечения»³. Кроме ранее существовавших функций в ведение НКССО перешли помощь жертвам контрреволюции, борьба с нищенством и проституцией, помощь при стихийных бедствиях, опека⁴. Однако наркомат являлся не единственным органом, ведавшим вопросами социального обеспечения. На протяжении Гражданской войны этими вопросами занимались также отдел социального обеспечения и охраны труда Народного комиссариата труда и Народный комиссариат здравоохранения (вопро-